

Некоторые соображения по поводу т.н. политики популяризации мегрельского языка на оккупированной территории Абхазии/Грузия и сопредельную территорию Западной Грузии

В последнее время, на фоне политических изменений, имевших место на оккупированной территории Абхазии/Грузия в 2014, происходит весьма «любопытная» и вместе с тем очень опасная тенденция, а именно: со стороны де-факто структур наблюдается активизация деятельности по искусственной популяризации мегрельского языка, главным образом, в гальском районе и попытка вовлечь в мероприятия подобного толка не только оккупированную территорию, но и сопредельную территорию Западной Грузии.

Наглядным подтверждением вышесказанному является то, что в городе Гали т.н. новая администрация приняла «решение» о создании трехязычного телевидения (на абхазском, русском и мегрельском языках), основной целью которого станет вещание на мегрельском языке как на оккупированную территорию Грузии, так и на ее близлежащий регион. Кроме этого, планируется развернуть широкомасштабную кампанию по поднятию имиджа мегрелоязычной газеты «Гал», выходящей с 1995 года в гальском районе, и доступа печатающихся в ней материалов для определенной части населения Западной Грузии. Знали бы авторы этой идеи, с каким трудом читается эта газета! Ведется интенсивная работа по созданию т.н. абхазо-мегрельской хрестоматии и русско-мегрельского словаря, разрабатываются учебники по мегрельскому языку.

Теперь попытаемся разобраться, в чем основная суть всего этого, и, что самое главное, - кому это выгодно? По словам самого г-на Н. Салакая, являющегося главным редактором газеты «Гал», основная цель планирующихся действий – оказать информационное воздействие на население Западной Грузии и, как он сказал, - «минимум ослабить – максимум уничтожить воинственный дух и риторику грузинской нации по отношению к возвращению Абхазии в лоно Грузии». В своих «целях» г-н Салакая и ему подобные довольно-таки искренны, однако они нагло лгут и лицемерят (иным это, наверное, никак не назовешь), когда говорят о каком-то «агрессивно-воинственном духе и риторике» Грузии. Дело в том, что все диаметрально наоборот. Действительно, политика Грузии по возвращению Абхазии в ее конституционное поле ничего общего «с воинственным духом и риторикой не имеет», в противовес чему нами предлагаются следующие шаги: политика одностороннего обязательства со стороны Грузии о неприменении силы при разрешении «замороженных» конфликтов на своей территории, в том числе, на оккупированной территории Абхазии; мирная политика примирения и восстановления доверия между абхазами и грузинами; политика предоставления Абхазии и ее населению максимально широкой автономии, где один из основных акцентов будет делаться на всестороннее развитие абхазской культуры, в целом, и абхазского языка, в частности.

Об агрессивности и воинственности же г-ну Салакая и ему подобным стоит поинтересоваться у т.н. нового правительства Абхазии во главе с Р. Хаджимба. В этом контексте, чего стоит хотя бы недавно оформленный т.н. договор между РФ и РА о союзничестве и стратегическом партнерстве, где воинственный дух и стремление поглощения абхазского языка чувствуется даже при беглом прочтении данного «документа».

Вернемся к языковой проблематике. Попытка т.н. идеологов, ратующих за популяризацию мегрельского языка на оккупированной территории Абхазии, ничего общего с заботой о мегрелах и их языковом диалекте не имеет. Это один из элементов печально известной российской имперской политики «кнута и пряника», а также политики «разделяй и властвуй». В этом смысле вполне к месту вспомнить, что еще в 19-м веке при российском царизме были изданы азбуки и словари на сванском и мегрельском языках. За всем этим скрывалось следующее основное намерение: посредством как бы «заботы и ласки» определенных общностей грузинского народа внести раскол и разобщенность среди целостной и единой грузинской нации. Практически точно также и сегодня. Руками своих сателлитов, в лице например Салакая, известные службы России якобы стремятся развивать мегрельский язык, а на самом деле за этим скрывается явное намерение, посредством т.н. продвижения и поддержания мегрельского языка в соседней с Абхазией регионе Грузии, популяризовать свою имперскую политику и идеологию среди определенных слоев и общностей единого грузинского народа. Посредством языковой манипуляции налицо явная попытка переформатирования грузинского национального самосознания. В конечном итоге, все это нацелено на внедрение клина в целостность грузинской нации и сохранение своего жесткого и прямого влияния на суверенное государство – Грузия. Таким образом, подобная т.н. политика касательно популяризации мегрельского языка, субсидируемая и поддерживаемая сегодня де-факто властными структурами Абхазии на оккупированной территории, – это не что иное, как «своя игра (читай, кремлевская), которая играется под чужую дудку (читай, кремлевскую)».

В контексте вышеописанного и проанализированного, на повестку дня встает следующий аспект, а точнее вопрос. Что будут иметь сами абхазцы от внедрения в жизнь искаженной политики активизации распространения информации, различных материалов и научных изданий на мегрельском языке? Им бы сосредоточить свое внимание на развитие собственного языка, который все более напоминает средство «кухонного общения» и сегодня находится на грани исчезновения. Ведь самым абхамам, наверное, хорошо известно, что среди основных рисков, ставящих под сомнение само выживание и существование абхазского этноса, является и языковая проблематика как один из основных элементов самосознания, самоутверждения и вообще бытия той или иной этнической группы. А своими марионеточными действиями по популяризации мегрельского языка на оккупированной территории Абхазии и за ее ближайшими пределами т.н. идеологи де-факто абхазского правительства наносят прямой ущерб всестороннему развитию собственно абхазского языка, как бы добровольно отказываясь от части его полномочий. Это никак не состыкуется даже с

политикой самих абхазских сепаратистов по самоопределению, где абхазский язык, по всей объективной и субъективной логике, должен играть одну из ключевых ролей.

Кстати, в противовес всему этому в Конституции Грузии черному-по-белому записано, что на территории Абхазии наряду с грузинским, абхазский язык является государственным. Среди прочего, это означает, что его стратегическое развитие возведено на государственный, т.е. на предельно высокий уровень. Уже сегодня, грузинскими властями проводится ряд мероприятий по фактическому спасению, возрождению и развитию абхазского языка. В будущем предполагается еще более широкомасштабная активность в этом направлении. Надеемся, что к этому процессу присоединятся непосредственно жители оккупированных территорий Грузии, что станет одним из крепким связующим звеном мирной политики примирения и восстановления доверия между грузинами и абхазами.